

К. М. МИЛОРАДОВИЧ

**«Вехи». Сборник статей
о русской интеллигенции**

М., 1909 г.

Горькой жалобой, речью тоскливой
Ты минуту отрады мне дал, —
Я среди этой страны молчаливой
Уж и жалоб давно не слышал...
Голос твой безотрадно-унылый
Был воскресная песнь для меня:
Точно плача над свежей могилой
Жизни вопль в ней услышал бы я.

Добролюбов

Мы привыкли к самоуверенным голосам из интеллигенции, обличающим все и вся с высоты своего нравственного величия. Как странно и пока еще одиноко прозвучали голоса «Вех»! Впечатление было так сильно, что нужно было довольно много времени для спокойного обсуждения этого крупного общественного явления, и теперь мне хочется начать с определения некоторых понятий, употребляемых «Вехами», и прежде всего понятия «интеллигенция».

Слово, от которого произошла «интеллигенция», есть *интеллект*, разум, и в общеевропейском смысле интеллигенцией называется просто образованный класс общества. Это слово получило совершенно особое значение у нас благодаря тому положению, которое образованный класс общества занял в России с самого появления своего на свет (приблизительно со времен Петра) и в котором он стойко удержался до наших дней.

Определить русскую интеллигенцию можно только отрицательными чертами, потому что только они оказались устойчивы на всем протяжении ее исторического существования. Может быть, определение русской интеллигенции будет довольно

полным, если сказать, что это класс, относящийся отрицательно ко всем нравственным, экономическим и государственным основам, на которых построено современное общество, и стремящийся к освобождению от них.

В самом деле, русская интеллигенция враждебна идее религиозной, идее национальной, идее государственной (во всех ее формах), экономической идее частной собственности. Если интеллигенция провозглашала на всех перекрестках: «Долой самодержавие!», то это потому, что республика казалась ей наименее резко выраженной формой государственности, и в последние годы освободительной борьбы достаточно выяснилось, что республика для интеллигенции есть только этап на пути к освобождению.

Насколько русский интеллигент относится одобрительно к чему-нибудь в прошлом или настоящем родной страны, насколько он отдает свой труд какой-нибудь хотя бы общекультурной ценности, например науке или искусству, — настолько он отходит от общего типа интеллигенции. Только отрицая, он интеллигент в собственном смысле слова.

Если бы мы попытались определить интеллигенцию с положительной стороны, то нужно было бы указать, *во имя чего*, во имя какого положительного идеала совершается это освобождение. Но это оказывается невозможным: положительного идеала *вовсе не было*. Были, правда, в различные десятилетия различные кумиры, но если мы приглядимся поближе к тому употреблению, которое делала из них русская интеллигенция, то увидим, что в них она всегда ценила только разрушителей и тем больше ценила, чем большее число ценностей и чем искуснее уничтожалось ими. Так, например, у нас ценили Ницше за его вражду к современной морали, совершенно проглядев при этом его проповедь великих вяжущих ценностей, его любовь к власти и силе.

Почти обратился в поговорку упрек, пущенный против русской интеллигенции впервые славянофилами: упрек в подражании Западу. Он мне кажется вовсе несправедливым. Ни одна положительная европейская ценность не привилась нашей интеллигенции; все положительные идеи средних веков, эпохи Возрождения и нового времени отрицались ею, и если о ее «западничестве» сохранилась прочная легенда, то только потому, что интеллигенция отрицательно относилась к России и иногда, в пику ей, превозносила Европу. Стоило русскому интеллигенту надолго попасть за границу, чтобы он вполне разочаровался в достоинствах Европы, как это мы можем видеть

на блестящем примере Герцена. Наука и искусство Запада тоже никогда не имели для нашей интеллигенции самостоятельной ценности, а ценились ими только как орудия освобождения и уравнения.

Отрицательная деятельность русской интеллигенции шла в двух направлениях: с одной стороны, путем фактического разрушения, т. е. революционной борьбы с существующим строем, с другой стороны — путем теоретической критики.

Критиковали все: религию, нравственность, семью, государство, национальность, — а критерием истины, с точки зрения которого критиковали, были простой здравый рассудок и естественная логика. И при этом как-то вовсе не останавливались на мысли, что здравый рассудок и естественная логика сами по себе имеют характер чисто формальный. Они нуждаются в содержании или предпосылках, лежащих вне их, и только на прочном основании ценности, установленной любовью и верой, они могут дать людям что-нибудь, кроме отрицания. Но логика, как единственная ценность, единственный источник истины и руководитель жизни, может разрушить любую ценность и не может создать ни одной. Даже такие неоспоримые факты, как жизнь и смерть, совершенно невозможны с точки зрения логики, если мы уже раньше всякой логики не признали их существования.

Вот почему в руках русской интеллигенции всякая человеческая ценность умирала немедленно, как пойманная «синяя птица», или превращалась в щепки, как вырытый клад. Всякая такая ценность — религиозная, политическая, национальная, эстетическая — клеймилась именем предрассудка, и освобождение от предрассудков было тем «просвещением», которое интеллигенция несла народу.

Очевидно, что имя русской интеллигенции также недаром имеет общий корень с интеллектом, но только понимаемым в узком смысле рассудка, и творческий синтез, создавший живую жизнь и продолжающий создавать человеческие ценности, те, которые сначала требуют *культы*, а потом создают *культуру*, по справедливости получил от интеллигенции имя предрассудка, так как не из рассудка он исходит.

Тут мы подошли еще к одному понятию, очень употребительному в среде интеллигенции и, однако, очень нуждающемуся в определении, так как оно давно потеряло свой точный смысл; это понятие *культуры*.

В злободневной газетной полемике о национализме, собранной под общим заглавием «По Вехам», журналисты, сохранив-

шие в неприкосновенности тип интеллигентов, очень часто употребляют слова «культура» и «культурность», возражая гг. Струве и Голубеву¹, заговорившим о ценности «национального русского лица». Они говорят, что наиболее привлекательные черты этого национального лица, например, особый оттенок его «честности и доброты», суть именно те, которые приближают его к общечеловеческому идеалу культурного человека. А сами гг. Струве и Голубев старательно отделяют свой *культурный* национализм, основанный на признании культурных особенностей своей нации, от «зоологического», т. е. расового, национализма, которым отличаются крайние правые партии.

Что же разумеют спорящие интеллигенты под культурой? Те, кто говорит об общечеловеческом идеале, очевидно, разумеют под культурой просто прогресс, т. е. умственное и нравственное развитие. Гг. Струве и Голубев считают важным не только самое развитие, но и тот особый путь, который проходит данная нация в своем развитии, и этот путь называют культурными особенностями; за развитием же как таковым остается название культуры.

Между тем точный смысл понятия культуры совершенно иной. Культура рождается в культе, и прежде всего в культе религиозном.

Человеческое поклонение божеству или служение какой-нибудь ценности никогда не бывает и не может быть чисто духовным; оно нуждается во внешнем выражении, или в *культе*. Накопление этих внешних выражений, священных потому, что они являются «вещей обличением невидимых», создает искусство, входит в обычай, составляет традицию и наконец вырастает в культуру. Культура покоится на традиции, традиция покоится на признании какой-нибудь ценности и на служении ей.

Всякую такую ценность обычная логика и естественный «здравый рассудок» могут с легкостью разрушить до основания. Догматы церкви? — Еще Вольтер доказал, как $2 \times 2 = 4$, что, с точки зрения здравого рассудка, троичность лиц Божества есть нелепость. Нравственность? — О ней много говорят русские интеллигенты с утилитарной целью, но она не может выдержать серьезной критики здравого рассудка, так как он не указывает никаких причин необходимости добродетели. Науки или искусство? — У нас достаточно издевались над «чистым», т. е. самоценным, искусством, а к людям, занимавшимся чистой наукой и не пытавшимся ее популяризировать для практических целей, всегда относились с насмешкой, чуть не с пре-

зрением. Тем более не может выдержать критики здравого рассудка национальность, которая, очевидно, состоит из людей не лучших и не худших, чем остальное человечество.

Итак, культура основана на ценностях, признанных раньше, чем они были взвешены здравым рассудком, и только тогда, когда они ценны для нас *сами по себе*, достойны культа и служения не потому, что посредством них можно достичь посторонних целей, — на них вырастает культура, только путем созидания таких ценностей возможно и творчество.

Если культурный человек вежлив в разговоре, не читает чужих писем, не подслушивает у дверей, то эти общечеловеческие признаки культурности суть *результат* культуры, а не *цель ее*. Милое лицо любимого человека не потому прекрасно, что оно ближе других подходит к идеалу общечеловеческой красоты; не потому прекрасно и «национальное лицо».

Итак, культура в точном значении слова есть накопление ценностей и традиционного служения им. Культура вяжет, а не освобождает. Таким образом, служителем культуры будет не тот, кто стремится освободить мысль и волю людей от культа ценностей, принятых до проверки их здравым рассудком, а тот, кто признает самоценное значение за человеческим творчеством, которое есть созидание ценностей, кто служит ценностям, установленным до него, или, если он революционер и новатор, несет новые ценности на смену старым, столь же вяжущие, как и те.

Человек, для которого культура есть творчество и служение ценностям, будет служить знанию ради знания, искусству ради искусства. Для него государство не будет механическим средством урегулировать отношения людей, а предметом служения, имеющим значение само по себе, как внешнее выражение внутренней ценности.

Творчество есть Молох, требующий бесчисленных жертв и едва ли способный дать людям счастье. Чем ниже культура, чем меньше жажды знать и творить, чем меньше вяжущих ценностей, тем люди свободнее, равнее и, пожалуй, счастливее. Между общим благополучием и творчеством приходится выбирать; едва ли их можно примирить.

Только на почве признания творчества как цели и смысла жизни можно понять значение национальности. Этого до сих пор никогда не понимала русская интеллигенция. Понятие творчества было всегда наиболее чуждым ей понятием; она хотела развязывать — творчество вязало; она хотела рассудочной критики ценностей и называла это свободомыслием и культу-

рой, а созидание ценностей шло помимо нее и вопреки ей. Все, что было на Руси даровитого, как это очень верно подметил г. Гершензон в «Вехах» на примере великих русских писателей, выросло на почве, чуждой интеллигенции, озабоченной не творчеством, а распределением, пользуясь в тех же «Вехах» встречающейся мыслью г. Бердяева.

В споре гг. Струве и Голубева с их оппонентами о национализме чувствуется, что обе стороны не нашли той твердой почвы, на которой только и возможен определенный и ясный обмен мнений по данному вопросу. У гг. Струве и Голубева много верных и тонких предчувствий, которые, однако, не вылились в совершенно ясную мысль. Они уже говорят о «национальном лице», о национальных культурных ценностях, для них уже существуют такие ценности, как религия и национальность, но, опасаясь сойтись хоть в чем-нибудь с «Новым временем» или, еще того хуже, с «Русским знаменем» и девизами крайних правых, они всячески отрекаются от «зоологического», т. е. расового, национализма.

Но каким образом можно порвать естественную связь между чувством расы, между наследственной передачей душевных и физических склонностей и закрепляющих их внешних традиций с выросшими на их почве национальными культурными ценностями? Здесь, на земле, из человека не сделать бесплотного духа; он всегда, если будет поклоняться Богу, то не только «в духе», а и в храме свои национальные особенности будет не только носить в душе, а и выражать их в традициях своего быта и в строе своего государства, любить прежде тех, в ком чувствует родственную природу, а уж потом все человечество (если только можно любить такую отвлеченную идею). И «ширина носа», о которой так презрительно отзывается П. Б. Струве, и теперь, как и встарь, указывает на национальность своего обладателя, хотя это не исключает возможности уклонений и существования вполне русских людей с еврейскими или немецкими фамилиями и такими же носами.

Но если гг. Струве и Голубев близко подошли к основе национализма, т. е. к вопросу об условиях человеческого творчества, то их многочисленные оппоненты, как это и следовало ожидать от правоверных интеллигентов, даже и не поняли, о чем тут идет речь. Они спрашивают: от кого гг. Струве и Голубев обороняют русскую национальность? Кто на нее нападал? Они предлагают общечеловеческий идеал вместо национальных ценностей.

От кого? — По-видимому, от вас, господа, от тех, кто думает, что общечеловеческий идеал существует в готовом виде и стоит приблизиться к нему, чтобы стать совершенным. Но ведь общечеловеческие идеалы *творяются* в процессе личного, а затем национального творчества; они, как и такие продукты культуры, как вежливость и деликатность, являются результатом творчества, а не его целью.

Человек всегда шел и, следуя законам своей природы, принужден идти от конкретного к отвлеченному, а не наоборот. Кто начинает с отвлеченных общих идей, тот заранее обрекает себя на бесплодие. Однако так всегда поступала русская интеллигенция, и в свою борьбу с положительными конкретными ценностями русского народа и русского государства она вносила такую массу бескорыстного, почти религиозного служения своему кумиру отрицания, такую чистоту побуждений, такую беззаветную самоотверженность и духовную мощь, что невольно является подозрение: не из отчаяния ли от невозможности найти положительный идеал, который выдержал бы критику «здорового рассудка», черпала она эту мощь? Я говорю, конечно, о лучших представителях интеллигенции, и этого уважения противников и посторонних не должна принимать на свой счет интеллигентская масса, наполняющая, например, наши университеты, которая не имеет понятия даже о простом благородстве приемов и побуждениями которой являются трусость и мелкое самолюбие.

Всякую среду следует судить по лучшим ее представителям, а потому можно сказать, что жажда положительного идеала всегда жила в русской интеллигенции; стоит вспомнить одного из даровитейших и чистейших — Герцена, — вся жизнь которого прошла в разбивании идеалов посредством естественной логики и в мучительном, а в конце жизни уже и безнадежном искании новых. Трагедия Герцена — трагедия русской интеллигенции. Но такая масса душевных сил, положенных на работу разрушения, не могла пройти бесследно, и роль русской интеллигенции в национальной жизни России была велика.

Служение кумиру отрицания — такому бледному и бедному, бесплотному и бескровному кумиру — было освящено кровью и страданиями. Бескорыстное и героическое страдание вызывает поклонение и гипнотизирует волю людей, и бесплотный кумир, напившись кровью добровольных жертв, ему принесенных, получил необычайную привлекательность и силу. Все, что только выходит в нашем народе из состояния первобытного неведения, получает «просвещение» в духе интеллигентского

отрицания. Пропаганда интеллигентского миропонимания разлилась широко, и вся учащаяся русская молодежь, за немногими, теряющимися в ее массе исключениями, воспитывается в этом духе.

Но разрушительная работа интеллигенции проникла и в народ в узком значении этого слова и сказалась там различно в зависимости от условий быта, но всегда отрицательно. В среде «сознательных рабочих», например в школах для рабочих, которым интеллигенция в течение многих лет отдавала свой бескорыстный труд, можно видеть ясные результаты этого труда. Положительный результат один: там люди могут научиться грамоте и счету; зато отрицательных результатов много, и прежде всего разрушена религия и признана «ненаучной».

Г. Бердяев в «Вехах» говорит, что наша интеллигенция руководилась силлогизмом: человек произошел от обезьяны — следовательно, мы должны любить друг друга. В рабочей среде из посылки — человек произошел от обезьяны — сделан еще другой, столь же логический вывод: следовательно, Бога не существует. Религиозные запросы в душе этих людей несомненно остались, но они подавляются, и неудовлетворенная и подавленная религиозная потребность в связи с и без того тяжелой жизнью рабочего создает из него тип человека, для которого нет ничего святого. Этим объясняется та легкость, с которой рабочий при неблагоприятных условиях превращается в хулигана. Он привыкает не видеть в прошлом и настоящем родной страны ничего, что не подлежало бы разрушению; у него вовсе не развита способность серьезной критики, та осторожность в суждениях, которая дается воспитанием научных навыков мысли, но очень развито критиканство. На пути ли к творчеству и культуре эти люди, или и они жертвы интеллигентского кумира, но жертвы уже не добровольные?

Несколько иначе сказалась работа интеллигенции в среде крестьян. В революционные дни мне не раз случалось слышать от крестьян глухих деревенок Малороссии такую фразу: «У нас тихо: мы ни панов, ни жидов не трогаем, а вот соседняя деревня бунтует — жгет панские усадьбы и повыгоняла жидов». Как бы в насмешку над интеллигенцией движение, называемое революционным, среди крестьянства, живущего в черте оседлости, слилось с движением, называемым черносотенным. Там люди еще сохранили крепко некоторые положительные ценности, и в быте крестьянской, а особенно казачьей семьи сохранилось много культурной традиционности, но от интеллигенции они восприняли одно: что-то нужно разрушить, кого-то

нужно столкнуть с места, а недовольство, созданное безземельем, грозящим близким разрушением крестьянской культуры, prepares благоприятную почву для разрушительной пропаганды интеллигенции.

И так как знание может принести народу не кто другой, а именно интеллигенция, то мы стоим перед дилеммой: или народ должен оставаться в невежестве и мы должны покровительствовать его невежеству, или мы должны примириться с тем, что он получит просвещение в форме разрушения путем здравого рассудка всех его культурных ценностей.

«Просвещение» в последнем смысле разливается все шире и шире; интеллигенция застыла в своих принципах, появившихся на свет вместе с нею и сохраненных незыблемыми до наших дней. Чего же можно было ждать от России в будущем? Мы, стоявшие в стороне от движения, с которым мы не могли и не хотели слиться, с ужасом искали вокруг хоть одной надежды на то, что не все ценности рухнут, что сохранит наш народ хоть что-нибудь, на чем может вырасти великая творческая народная культура. То мы надеялись, что народ сумеет сам защитить свои ценности, то стремились ограждать его от влияния интеллигенции, но нельзя было не видеть и не чувствовать всего бессилия и искусственности этих надежд.

Спасение могло и может быть только одно: если интеллигенция признает основные национальные ценности нашего народа и захочет служить им сама; если наука в ее руках перестанет быть орудием разрушения, а получит самостоятельное значение знания ради знания, если она поймет преобладающее значение *творчества* перед *распределением*.

Но на это мы уже не смели надеяться. Как нежданная радость, которой страшно поверить, чтобы не ошибиться, прозвучали нам голоса из «Вех», и если они не обманчивы, т. е. не случайны эти голоса, то, действительно, «Вехи» представляют собою крупное общественное явление.

Тут мы встречаем имена, давно и хорошо нам известные, имена людей, вышедших из самого центра русской интеллигенции, но не удовлетворившихся общеинтеллигентским шаблоном и давно ищущих *своих* новых путей. Русскому обществу известен долгий, но всегда *последовательный, а не случайный* путь, пройденный иными из них «от марксизма к идеализму»².

И все-таки «Вехи» явились неожиданно. Неожиданным было то, что несколько человек интеллигентов, по-видимому, сильно расходящихся между собою во взглядах, обнаружили в «Вехах», что все они разными путями шли к одному и тому же

центральному вопросу русской жизни и в своих ответах на него не противоречат, а дополняют друг друга. Неожиданным было и то, что полемика, поднятая «Вехами» в журналах, и даже самая страстность обвинений, вызванных ими, указывают на живое присутствие в среде нынешней «послереволюционной» интеллигенции таких запросов, о существовании которых мы у нее и не подозревали.

«Вехи» можно разделить на две части: критику интеллигенции в ее идеалах и в ее личной жизни — с одной стороны, и с другой — положительную проповедь обновления.

За последние годы мы так много обвиняли и обличали друг друга, что при всей справедливости и даровитости критики, которую мы находим в «Вехах», она не имела бы никакого значения, если бы исходила со стороны. Но слова *мы* плохи, *мы* не правы — звучат давно неслышанной нравственной силой и новизной. В этом *мы* значение обличительной стороны «Вех», но центр тяжести в их положительной проповеди.

Из предисловия г. Гершензона мы узнаем, что составители «Вех» сошлись между собою на той идее, что обновления следует искать и ожидать не извне, не от перемены государственного строя, на который было до сих пор обращено исключительное внимание интеллигенции, а от личной, интимной работы над собою. Эту мысль мы действительно находим у всех авторов «Вех», но не она тут наиболее интересна, с нашей точки зрения.

Наиболее интересно то, что каждый из авторов «Вех» по одному и с разных сторон приносят сюда те старые и вечно творческие *культурные* ценности, *культ* которых до сих пор всячески стремилась разрушить русская интеллигенция.

В самую сердцевину вопроса попал г. Гершензон: он заговорил об основе антиинтеллигентского мирозерцания, о *творчестве*. Затем *наука*, как знание ради знания, без всяких утилитарных целей (г. Бердяев), *искусство* ради искусства, определенная конкретная религия (г. Булгаков), национальная (*наша* национальная) *государственность* (г. Струве), личная *нравственность* (г. Франк) и даже *семейная традиция* (г. Изгоев) — вот те ценности, с которыми мы встречаемся в «Вехах». Тут есть еще и «право», представителем которого явился г. Кистяковский, но идея права имеет в своем основании не творчество, а именно распределение, а потому статья г. Кистяковского, интересная сама по себе, производит впечатление не совсем уместной в «Вехах», и очень понятно, что именно она

более других понравилась доброжелательным, но вполне «интеллигентским» критикам «Вех»*.

Не новы ценности, принесенные «Вехами», но на них мир стоит. Тот, кто на всякое слово о творчестве, о самодовлеющих ценностях, требующих культа, станет говорить нам о страданиях народа и о том, что ради утоления этих страданий можно отдать все культурные ценности, похож на человека усталого, готового за минуту отдыха отдать все сокровища жизни. Но ведь лучший отдых есть смерть, и только там, может быть, нет страданий.

«Вехи» зовут нас к жизни, а не к смерти, и сквозь туман неизбежной человеческой муки нам снова начинает рисоваться в далеком будущем не образ человечества, равного в своем ничтожестве, а все великое разнообразие жизни.

Может быть, опять возродятся мученики науки, готовые отдать жизнь за совершенно практически бесполезную истину («а все-таки земля вертится»), образ которых настолько культурнее и привлекательнее всех гениальных Эдисонов с их телефонами³. Может быть, опять появятся подвижники веры, которых посылала нам в такой совершенной прелести народная культура России. И, может быть, еще много будет у нового человечества еще новых культурных ценностей, так же «бесполезных» и так же великих.

Если «Вехи» несут нам старые ценности, на которых вырос старый культурный мир — и Греция, и Рим, и гордая Англия, и «прекрасная» Франция, и все то, что составляло старую культурную Европу, когда она еще не искала равенства, а стремилась к обособлению, то это не значит, что они зовут нас назад, к прошлому.

Ничто не может дать такой силы культурному движению вперед, как именно творчество; но творчество новых ценностей предполагает благоговейное охранение старых. Кто охладел к науке и истине, тот не найдет ничего настолько же ценного поставить на ее место, но бескорыстный подвижник науки в ее же пределах найдет новые ценности.

Когда-то философия обнимала собою и математику, и физику, и астрономию, и все современное ей знание вообще; но культурный рост науки указал в ее пределах бесконечное разнообразие ценностей, из которых каждая и сама оказалась бесконечной по глубине и значению. Движение вперед не исклю-

* Русская мысль. Май. Новая серия XXII (1909. № 8). Отд. 2.

чает, а предполагает культ старых ценностей — так выросли все великие культуры.

Может быть, преувеличены эти надежды, вызванные «Вехами»; может быть, и сами их авторы не пойдут так далеко в своих выводах, или их голоса затеряются в однотонном хоре интеллигентских голосов; но если они провозвестники, то еще не так темно будущее нашей России, как мы уже начинали думать.

*(Журнал Министерства народного
просвещения. 1909. № 8. С. 423—434)*

